
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Л. А. ГРИЦАЙ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. КАК ПРЕДПОСЫЛКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917–1918 гг.

В данной статье рассматривается процесс изменения ценностей семейной жизни в России конца XIX – начала XX в., проявляющийся в смене модели семейного устройства (с патриархальной на эгалитарную) и соответственно в понижении значимости самой семьи. На историческом материале определяются причины данного процесса. Предлагается преимущественный анализ последствий подобной трансформации, на основе которого делается вывод об обусловленности революции 1917–1918 гг. кризисными явлениями в области семьи.

***Ключевые слова:** семья, трансформация ценностей семейной жизни, модель семейного устройства, кризис семьи, революция 1917–1918 гг.*

Безусловно, революция 1917–1918 гг. стала одним из важнейших событий, совершившихся в русской истории XX в. Именно революция определила весь ход развития нашей страны на целое столетие, поэтому в современной научной литературе не утихают споры о причинах ее возникновения. Одни ученые указывают на неудачи царствования Николая II, незавидное социально-экономическое положение большинства населения страны, другие пишут о противоречиях внутри русского общества и набравшем обороты революционном движении, третьи видят причины революционного перелома в крахе государственной идеологии монархизма.

Так или иначе, все эти причины привели к известным трагическим событиям. Однако мы хотели бы более подробно рассмотреть

еще одну предпосылку революции 1917–1918 гг., на которую не всегда обращают внимание, а именно – значительную трансформацию ценностных основ семьи, происходившую в этот исторический период.

Существует высказывание, авторство которого приписывают эсеру-максималисту Б. Савенкову: «Революция – это в первую очередь духовный кризис». Мы же добавим, что в основании революционных событий в Российской империи лежит также и кризис семейственности, то есть существенного изменения семейных ценностей в сознании людей.

Ведь широко известно, что семья и семейные отношения – это и опора, и своеобразная крепость, которая, с одной стороны, защищает человека от угроз внешнего мира, а с другой – требует от него служения своим близким и следования семейным традициям. Иначе говоря, человек оказывается вписанным в иерархическую систему семейных отношений, в которой занимает свое определенное место. При этом ценности поколения «отцов» постепенно перенимаются поколением «детей», что в значительной степени сглаживает «вечное» противостояние между ними, обеспечивая стабильность всему общественному развитию.

Заметим, что еще на заре русской государственности была сформирована модель патриархальной семьи, прочно существовавшая вплоть до середины XIX столетия. Как известно, такая семья предполагала главенство старшего мужчины в решении всех семейных вопросов, послушание младших членов семьи старшим, приоритет интересов семейной общности над индивидуальными потребностями отдельных ее членов, неразрывность брака в течение всей жизни супругов.

Определяя структуру ценностей русской семьи, необходимо обратить внимание на факт изначальной связанности религиозной веры и семейных традиций, характерных для русского национального сознания. Данную особенность некоторые исследователи (в частности, С. С. Аверинцев, В. Н. Дружинин, Е. В. Шестун и др.) связывают с природой христианства, которое изначально строится на символике семьи: Бог воспринимается верующим человеком как любящий Отец, Троица представляет собой единство Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа, глубоко почитается Богоматерь и т. д. Именно на это родство религиозной и семейной жизни указывает Е. В. Шестун, полагая, что семья в русской традиции всегда представ-

лялась как «наследница нравственных и духовных обычаев и ценностей всего народа», потому семейные отношения рассматривались в первую очередь как духовные (Шестун 2006: 22).

Исходя из этого христианского понимания смысложизненных основ бытия человека на земле, еще в Древней Руси была создана четкая иерархия ценностных ориентаций: *Бог – семья – общественное служение – личные интересы*, – сохранявшая свой приоритет в течение долгих столетий.

Неудивительно, что в таком ключе семья понималась как важнейшая духовно-нравственная ценность. Отсюда исходили и главные ее ценности: цельность семейного союза, супружеское согласие и верность, чадолюбие, терпение, смирение, принятие семейного долга как своего «креста», благочестивое нравственное воспитание детей, сообразное с законом Божиим, и ответственность за их судьбы перед окружающими людьми и Всевышним.

Изучая данную модель семьи, невозможно обойти стороной проблему, которую обозначил в своих работах Г. Митрофанов. В частности, ученый, рассматривая период древнерусской государственности, полагает, что особо высокое место семьи в структуре ценностных ориентаций общества было определено лишь малым кругом интеллектуальных и религиозных деятелей Древней Руси. В понимании же большинства населения страны крепость семьи и авторитет родителей определялись не только идеальными христианскими представлениями о семье, детстве и родительстве, но и «родовым сознанием» с его приоритетом коллективного над личностным (Митрофанов б. г.).

Об этой особенности подчиненности личности коллективным интересам семьи пишет в своей работе «Историческое изменение институтов семьи и брака» С. Н. Гавров, в частности, называя эту черту соборной или холистской идеологией русского традиционного семейного уклада (Гавров 2009).

Именно модель такой семьи мы можем увидеть в знаменитом древнерусском памятнике XV–XVI вв. «Домострое». Здесь семья рассматривается как малое государство, где каждый имеет свои права и обязанности. Чем выше власть, тем больше и ответственность перед Богом. Как царь отвечает за всю страну, так и глава семьи – муж – за всех домочадцев и их грехи. Поэтому в данном сочинении акцент делается на четкой патриархальной иерархии взаимоотношений между супругами, а также родителями и детьми. При этом одной из постоянно повторяющихся тем «Домостроя» становятся советы

мужу о физических наказаниях провинившейся жены или детей. Безусловно, последнее не может являть собой пример христианского отношения к членам своей семьи, однако, по всей видимости, выражает общепринятую норму поведения того времени.

И уже в этой модели патриархальной семьи, красноречиво описанной в «Домострое», мы можем увидеть как ее сильную сторону – цельность и сплоченность всех домочадцев (идеальный принцип семейной солидарности – «человек для семьи и во имя семьи»), – так и слабую, в значительной степени послужившую причиной ее разрушения: подавление личного начала, атмосферу «несвободы», когда отцовская власть превращается в деспотизм, а послушание детей – в лицемерие и скрытую неприязнь.

Первоначальные коррективы в данную модель семейных отношений были внесены в эпоху великих реформ Петра I, избравшего для России западный путь развития и превратившего свою страну в мощную империю с приоритетом общественных ценностей служения государству над личными, в том числе и семейно-религиозными. При этом сложившаяся иерархия ценностей (*Бог – семья – общественное служение – личные интересы*) зримо теряла свое значение.

Именно с этого времени государство стало стремиться к контролю не только над отдельным человеком, но и над всей семейной общностью. В частности, была создана новая педагогическая концепция, предполагавшая замену родительского воспитания государственным. Появилось законодательство о семье, о правах родителей и детей, обязательном обучении детей привилегированных родителей и т. д. Таким образом, семья в России стала считаться частью общества, а интересы этого общества ставились выше интересов семьи (в отличие, например, от Европы, где семья была противопоставлена обществу и поэтому отчасти автономна относительно него).

Кроме этого, в течение XVIII столетия происходил процесс постепенного разделения практики семейного воспитания детей в привилегированном сословии, принявшем за идеал модель европейской семьи, и в остальных общественных классах России, следовавших сложившимся веками традициям.

Все это привело к тому, что в начале XIX в. в дворянской среде появилась тенденция постепенного освобождения членов патриархальной семьи из-под ее власти. Как отмечает М. В. Короткова, в начале XIX в. дворянская семья начинает строиться на новых принципах:

супружество понимается как союз двух родственных душ, возрастает роль женщины, которая становится женой-другом, власть мужа теперь носит более утонченный и просвещенный характер, отношения мужа и жены основываются на симпатии вкусов и взглядов (Короткова 2009: 34).

Все это способствовало тому, что к середине XIX столетия дворянская патриархальная семья начала разрушаться, постепенно приобретая некоторые черты эгалитарности, основными принципами которой, как известно, является равенство отношений между мужем и женой в распределении власти, либерализация детско-родительских отношений, свобода заключения и расторжения браков, приоритет интересов личности над интересами семейной общности.

Как свидетельствуют исторические факты, данный процесс сопровождался и значительным охлаждением к религиозной вере, осуждением христианских основ семейных отношений, что, естественно, привело, с одной стороны, к смене модели семьи (с патриархальной на эгалитарную), а с другой – к трансформации ценностей семьи. Теперь на первое место стали выходить ценности личного порядка: эмоциональной близости супругов, обретения в браке взаимного удовольствия и поддержки, реализации супругами потребности в родительстве и т. д.

Однако все это нанесло удар по цельности семьи, так как преобладание индивидуального начала приводило к формированию личности человека-одиночки, ставящего во главу угла собственные желания и интересы и тем самым как бы выходящего из четкой иерархической системы семейных отношений. В определенной степени данное обстоятельство обусловило напряжение конфликтных отношений между поколениями «отцов» и «детей», так как теперь вторые не желали подчиняться воле первых.

Постепенно такие семейные отношения стали привноситься в жизнь не только дворянского сословия, но и представителей городской интеллигенции, что привело к волне общественного движения за «освобождение» женщин и детей из-под власти семьи. Особенно настойчивы в этом вопросе были сторонники левого революционного лагеря (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, М. И. Михайлов и многие другие).

В частности, М. И. Михайлов своей работе «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» писал о женской эмансипа-

ции как одним из самых важных явлений своего времени. Он отстаивал мысль о необходимости полного равноправия женщин и мужчин как в семье, так и в общественной деятельности, полагая, что только этим способом возможно достичь истинно нравственного, согласного с общим благом воспитания новых поколений (Михайлов 1987). Соратник Михайлова, разделивший с ним каторгу, – Н. Г. Чернышевский в своем знаменитом романе «Что делать?», ставшем своеобразным «учебником жизни» для революционно настроенной молодежи, предлагал читателям модель такой «новой» семьи, в которой женщина раскрепощена, вольна заниматься общественной деятельностью, супруги независимы друг от друга, но при этом полны взаимного доверия, уважения и любви. Более того, Чернышевский, заглядывая в своих утопических мечтах, отраженных в известном четвертом сне Веры Павловны, в будущее, описал общество, состоящее уже не из отдельных семей, а из огромной семьи-коммуны, в которой люди живут социальным общежитием и делают все вместе: работают, отдыхают, веселятся и любят друг друга.

Позже сторонники «свободного воспитания» провозгласили идею «освобождения ребенка» из-под власти родителей. Так, например, известный педагог конца XIX столетия К. Н. Вентцель называл свободное, нестесненное проявление активности ребенка «самым важным и основным понятием науки о воспитании» (Вентцель 1923: 8). Обращаясь к родителям, он писал, что «истинный идеал воспитания заключается в том, чтобы действительно обеспечить свободное развитие личности, чтобы освободить ее от нашего гнета» (Там же: 12).

Постепенно подобные идеи стали находить все больше сторонников в среде молодых представителей всех сословий России – как дворянства, так и мещанства, купечества, духовенства, а после отмены крепостного права – крестьянства и рабочего класса. Немалую роль в этом сыграл и процесс урбанизации.

Так, например, по мнению И. В. Масловой, патриархальный тип составной купеческой семьи к концу XIX столетия постепенно сошел на нет, взамен него выработалась общая модель поведения и быта городской семьи (Маслова 2009: 243). К такому же выводу приходит и Ю. М. Гончаров, отмечающий, что сибирское купечество в 60–90-х гг. XIX в. в семейном устройстве постепенно отходило от народных традиций и обычаев (Гончаров 1999).

По свидетельству историков, в этот период семьи белого священства также стали терять присущую им изначально патриархальность

и религиозность быта (Леонтьева 2001: 170–171). Более того, в семьях духовенства наметился зримый раскол между поколениями родителей и детей, связанный, с одной стороны, с всеобщим охлаждением к религиозной жизни в обществе, а с другой – с непростыми процессами внутри этого сословия. Многие молодые люди, приходившие учиться в семинарии, часто выбирали эти учебные заведения не по призванию, а либо по наследственной принадлежности, либо по возможности получить хорошее образование, либо по карьерным или иным соображениям. В результате в семинариях царила атмосфера безверия, лицемерия, а часто ханжества и жестокого невежества, отдаляющая учеников от Бога (Там же: 170–178; Бирюков 1969: 99). По меткому выражению В. О. Ключевского, духовные учебные заведения в те годы были больше похожи на богадельни для преподавателей и учеников, где «больше богохульствуют, чем богословствуют» (Ключевский 1990: 377). Наиболее честные юноши из утративших веру уходили «в революцию», чтобы служить народу, навсегда порывая с миром родительской семьи.

Как замечает М. В. Рабжаева, после эпохи Великих реформ 60-х гг. XIX в. крестьянский семейный быт начинает изменяться в сторону разрушения большой патриархальной семьи (Рабжаева 2003), а также в это время начинается отток части взрослого (в основном мужского) населения в города на заработки и приобщение тем самым к городскому быту. По наблюдениям этнографа конца XIX в. Н. Романова, большое количество молодых крестьян в это время оставляет деревню и, возвращаясь с изменившимися понятиями и наклонностями и ослабевшими родственными чувствами, заводит свое самостоятельное хозяйство (Романов 1886). Об этой же черте постепенного изменения ценности семейственности в среде сельской молодежи, а также понижения авторитета родителей свидетельствуют рапорты приходских священников той эпохи; в частности, батюшки пишут о том, что «молодое поколение, возвратившись с заработков, стремится отделиться», а «авторитет родителей над детьми ослабевает» (Безгин 2004: 104).

Семейное устройство городских рабочих испытывало на себе еще большее давление социальной среды. Как отмечают многие исследователи положения рабочего класса в царской России в начале XX в., «на арену истории вышел новый слой людей, стереотипы поведения и мышления которых отличались от патриархальных русских традиций» (Залунаева 2005: 3–10).

Как правило, рабочими становились крестьяне, пришедшие на заработки в города, и беднейшие из мещан. Семьи свои крестьяне по большей части оставляли в деревнях, изредка наведываясь туда по праздникам и посылая часть своих скромных заработков, или же забирали жену и детей с собой. Как первый, так и второй варианты были нелегки для всей семьи: длительные разлуки способствовали отчуждению членов семьи друг от друга, а совместное проживание в условиях фактического отсутствия самых элементарных бытовых условий также приводило к отчуждению и конфронтациям. К тому же оторванные от привычного крестьянского семейного уклада рабочие принимали новую систему ценностей, в которых семья, вера, община занимали, как правило, совершенно незначительное место. Социальные историки свидетельствуют об увеличении женской власти в семьях рабочих (Безгин 2004) и об общих тенденциях ослабления религиозной жизни, семейных и родственных связей (Залунаева 2005).

Таким образом, мы видим, что к началу нового столетия в жизни всех российских сословий происходит постепенный отказ от строгих традиционных устоев патриархальной семьи, сопровождающийся возрастанием для человека личных ценностей по сравнению с семейными, общинными и религиозными.

И именно в этот исторический период историки, философы и педагоги стали с тревогой писать об «упадке» современной им семейной жизни.

Эту мысль достаточно ясно изложил в своих многочисленных работах по семейной проблематике («Семейный вопрос в России», «Сумерки просвещения», «Опавшие листья», «Уединенное») русский философ и публицист В. В. Розанов. В частности, ученый с горечью отмечал, что в России и Европе «семья тает», происходит серьезное «падение прежних крепких устоев, на коих покоилась семейная жизнь русского человека», «нравы и литература показывают, что она [семья] развращается». Даже «в Китае, у негров, у татар, цыган понятие супружества, любви, отношения полов – чище и целомудреннее, нежели у европейских народов» (Розанов 1903: 21). В подтверждение своих слов Розанов приводил статистические данные, фиксировавшие ежегодно огромное число внебрачных рождений детей в имперской России (около трети из всех родившихся младенцев) (Там же).

Анализируя состояние современной ему российской семьи, другой отечественный ученый того времени – А. Н. Острогорский в своей статье «Семейные отношения и их воспитательное значение» отмечал, что семейные ценности в конце XIX столетия переживают серьезную трансформацию, так как «склад семейной жизни» за последние 40–50 лет значительно изменился. Патриархальность, домоседство – все это уходит в прошлое, равно как и прежняя «замкнутость» семейного круга. Жизнь стремительно обновляется, «поколения, различающиеся всего на десятилетия», становятся «не схожи между собой». «При этих условиях у каждого члена семьи – и, прежде всего, у отца с матерью – являются свои интересы, свое общество, свои избранники и друзья <...> и в результате общение родителей с детьми стало меньше, оно осталось возможно главным образом в ранние годы детства, <...> уже с 10–12 лет дети подвергаются обильным внешним, внесемейным влияниям» (Острогорский 1985: 274–276).

Об этом же писал в своих сочинениях известный педагог того времени П. Ф. Каптерев, полагая, что современная ему семья переживает своеобразный «кризис», так как «нить педагогического предания в семьях порвалась»: старое воспитание, строящееся на подчинении личности ребенка родителям, отринуто, и на его место должно прийти новое, основывающееся на принципах любви, свободы, ответственности и взаимного уважения родителей и детей. Однако процесс появления такого «нового» воспитания весьма затруднен «переходным состоянием» самой семьи, так как «браки становятся более и более поздними», «сама форма брака, связывающая людей на всю жизнь, признается многими стеснительной и устарелой», более «правильной и желательной» считается форма брачного союза, допускающая «легкий и быстрый разрыв», власть главы семьи (отца) «значительно ограничена», оттого «дети чувствуют за собой не только обязанности <...>, но и права, которые смело и предъявляют родителям», дети становятся «центром всей семейной жизни», родители же «отодвигаются на второй план». Изменение положения женщин в обществе только усугубляет, по мнению Каптерева, эти процессы, так как «современная образованная» мать семейства «нередко стремится вон из семьи», «она хочет заниматься общественной деятельностью, пределы семьи <...> ей кажутся слишком узкими» (Каптерев 1999: 41–42).

Таким образом, на основе вышесказанного мы можем сделать следующие выводы:

1. Период рубежа XIX–XX вв. в России характеризовался серьезной трансформацией ценностных основ семьи, проявляющейся, с одной стороны, в смене модели семейного устройства (с патриархальной на эгалитарную), а с другой – в изменении структуры ценностей семейной жизни, следствием которой стало понижение приоритета самой семьи, потерявшей в сознании современников значение религиозно-нравственной ценности. Данные явления, характерные для всех сословий царской России, привели к постепенному освобождению членов семьи из-под ее власти, что проявилось в либерализации детско-родительских и супружеских отношений. Этот процесс был связан с постепенной утратой «соборного» семейного сознания, что обусловило преобладание индивидуальных ценностей личности над семейными и групповыми.

2. Особенно ярко указанные процессы проявились среди молодых русских людей, принимающих новые формы семейной и личной жизни в качестве нормы, что в значительной степени обусловило ценностный разрыв между поколениями «отцов» и «детей» и привело к напряжению взаимоотношений между ними, когда молодежь не желала ни подчиняться, ни прислушиваться к мнению людей старшего возраста.

3. Ослабление значимости семейных и религиозных начал русской жизни, сопровождающееся разрывом между поколениями, социально-экономическими преобразованиями в стране, в целом характеризовало российское общество рубежа XIX–XX вв. как общество *переходного* типа с нестабильной, подверженной колебаниям структурой. Именно такое общество, отрицающее прежние жизненные идеалы и стремящее к воплощению новых, связанных с материальным благополучием, достижением свободы и равенства, не смогло преодолеть соблазн революции как насильственного, но краткосрочного средства создания желаемого миропорядка.

Именно все эти обстоятельства, на наш взгляд, и привели нашу страну к революциям 1905 и 1917–1918 гг., последней из которых императорская Россия не пережила.

При этом кризисные явления в области семейной жизни не только не исчерпали себя за прошедшее столетие, отделяющее нас от того времени, но и приобрели более внушительные размеры. К сожалению, приходится констатировать тот факт, что наше общество так же, как и сто лет назад, продолжает находиться в состоянии нестабильности, и это отражается на всех сферах жизни:

духовно-нравственной, семейной, социально-экономической. Браки непрочны, семьи малодетны, само значение законного супружеского союза фактически потеряно. Более того, в сознании подрастающего поколения ценность семьи продолжает снижаться. Так, по мнению С. П. Акутиной, у наших молодых современников наблюдается «снижение репродуктивных установок; низкий престиж материнства и отцовства; направленность выбора супругов на бездетную семью; создание иллюзии “новых” форм семьи (“гражданский брак”, “гостевая семья” и др.); внебрачное рождение детей и др.» (Акутина 2009: 20).

Все это заставляет серьезно задуматься о будущем России, так как сегодня она продолжает оставаться чрезвычайно уязвимой перед новыми социальными потрясениями, которые вряд ли будут ей полезны.

Литературы

Акутина, С. П. 2010. *Формирование у старшеклассников семейных духовно-нравственных ценностей в условиях взаимодействия семьи и школы*: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Нижний Новгород.

Бирюков, В. П. 1969. *Уральская копилка*. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во.

Безгин, В. Б. 2004. *Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.)*. М.; Тамбов: ТГТУ.

Вентцель, К. Н. 1923. *Освобождение ребенка*. М.: Земля и фабрика.

Гавров, С. Н. 2009. *Историческое изменение институтов семьи и брака*: уч. пособ. М.: МГУДТ.

Гончаров, Ю. М. 1999. *Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири)*. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН.

Дружинин, В. Н. 1995. *Психологические типы семьи в европейской культуре*. М.: Вита.

Залунаева, Е. А. 2005. *Повседневная жизнь рабочих Ярославля во второй половине XIX – начале XX в.*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль.

Каптерев, П. Ф. 1999. *Задачи и основы семейного воспитания*. В: Каптерев, П. Ф., *Детская и педагогическая психология*. М.; Воронеж: МПСИ; МОДЭК.

Короткова, М. В. 2009. *Эволюция повседневной культуры московского дворянства в XVIII – первой половине XIX в.*: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Ключевский, В. О. 1990. *Материалы разных лет*. В: Ключевский, В. О., Соч.: в 9 т. Т. 9. М.: Мысль.

Леонтьева, Т. Г. 2001. Православная культура и семинарский быт (на материалах Тверской губернии конца XIX – начала XX в.). *Отечественная история* 3: 170–178.

Маслова, И. В. 2009. Стереотипы поведения, традиции, ментальность уездного купечества Волго-Камского региона в XIX – начале XX в. как образовательный сегмент при изучении истории российского предпринимательства в вузе. *Материалы Всерос. научно-практич. конф. «Экономические и правовые аспекты регионального развития: история и современность»* (с. 242–248). Елабуга.

Митрофанов, Г. [Б. г.] Агиографический образ и историческая реальность семейной жизни в Русской православной церкви. URL: <http://www.kiev-orthodox.org/site/family/1534> (дата обращения: 12.09.11).

Михайлов, М. И. 1987. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе. В: Лебедев, П. А. (сост.), *Антология педагогической мысли России второй половины XIX в.* М.: Педагогика.

Острогорский, А. Н. 1985. *Семейные отношения и их воспитательное значение*. В: Острогорский, А. Н., *Избр. пед. соч.* М.: Педагогика.

Рабжаева, М. В. 2003. *Семья в русском обществе: исторический и социокультурный анализ*. Летняя школа «Общество и гендер». Рязань. URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/rabzhaeva1.htm> (дата обращения: 12.09.11).

Розанов, В. В. 1903. *Семейный вопрос в России*: в 2 т. Т. 1. СПб.

Романов, Н. 1886. *Село Каменка и Каменская волость Тамбовского уезда*. Тамбов.

Шестун, Е. В., 2006. *Православные традиции духовно-нравственного становления личности (историко-теоретический аспект)*: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Казань.